

Василий Осипович Ключевский

Борис Годунов

*Часть сборника
Исторические портреты*

Василий Осипович Ключевский

Борис Годунов

Серия «Исторические портреты»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176669
Исторические портреты: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-28593-8

Аннотация

«Умирая, царь Иван торжественно признал своего «смирением обложенного» преемника неспособным к управлению государством и назначил ему в помощь правительственную комиссию, как бы сказать, регентство из нескольких наиболее приближенных вельмож. В первое время по смерти Грозного наибольшей силой среди регентов пользовался родной дядя царя по матери Никита Романович Юрьев; но вскоре болезнь и смерть его расчистили дорогу к власти другому опекуну, шурина царя Борису Годунову...»

**Василий Осипович
Ключевский
Борис Годунов**

Царь Борис Феодорович Годунов

Регентство. Умирая, царь Иван торжественно признал своего «смирением обложенного» преемника неспособным к управлению государством и назначил ему в помощь правительственную комиссию, как бы сказать, регентство из нескольких наиболее приближенных вельмож. В первое время по смерти Грозного наибольшей силой среди регентов пользовался родной дядя царя по матери Никита Романович Юрьев; но вскоре болезнь и смерть его расчистили дорогу к власти другому опекуну, шурина царя Борису Годунову.

Пользуясь характером царя и поддержкой сестры-царицы, он постепенно оттеснил от дел других регентов и сам стал править государством именем зятя. Его мало назвать премьер-министром; это был своего рода диктатор или, как бы сказать, соправитель. Царь, по выражению Котошихина, учинил его над государством своим во всяких делах правителем, сам предавшись «смирению и на молитву». Так громадно было влияние Бориса на царя и на дела. По словам князя Катырева-Ростовского, он захватил такую власть, «яко же и самому царю во всем послушну ему быти». Он окружался царственным почетом, принимал иноземных послов в своих палатах с величавостью и блеском настоящего potentата, «не меньшею честью пред царем от людей почтен бысть».

Он правил умно и осторожно, и четырнадцатилетнее царствование Федора было для государства временем отдыха от погромов и страхов опричнины. «Умилосердился Господь, —

пишет тот же современник, – на людей Своих и даровал им благополучное время, позволил царю державствовать тихо и безмятежно, и все православное христианство начало утешаться и жить тихо и безмятежно». Удачная война со Швецией не нарушила этого общего настроения.

Но в Москве начали ходить самые тревожные слухи. После царя Ивана остался младший сын Димитрий, которому отец, по старинному обычаю московских государей, дал маленький удел, город Углич с уездом. В самом начале царствования Федора, для предупреждения придворных интриг и волнений, этот царевич со своими родственниками по матери Нагими был удален из Москвы. В Москве рассказывали, что этот семилетний Димитрий, сын пятой венчанной жены царя Ивана (не считая невенчаных), следовательно, царевич сомнительной законности с канонической точки зрения, выйдет весь в батюшку времен опричнины, и что этому царевичу грозит большая опасность со стороны тех близких к престолу людей, которые сами метят на престол в очень вероятном случае бездетной смерти царя Федора. И вот, как бы в оправдание этих толков, в 1591 г. по Москве разнеслась весть, что удельный князь Димитрий среди бела дня зарезан в Угличе, и что убийцы были тут же перебиты поднявшимися горожанами, так что не с кого стало снять показаний при следствии.

П. Свиньин. **Терем царевича Димитрия в Угличе**

Следственная комиссия, посланная в Углич во главе с князем В. И. Шуйским, тайным врагом и соперником Годунова, вела дело бестолково или недобросовестно, тщательно расспрашивала о побочных мелочах и позабыла разведать важнейшие обстоятельства, не выяснила противоречий в показаниях, вообще страшно запутала дело. Она постаралась, прежде всего, уверить себя и других, что царевич не зарезан, а зарезался сам в припадке падучей болезни, попавши на нож, которым играл с детьми. Поэтому угличане были строго наказаны за самовольную расправу с мнимыми убийцами. Получив такое донесение комиссии, патриарх Иов, приятель Годунова, при его содействии и возведенный два года назад в

патриарший сан, объявил соборне, что смерть царевича приключилась судом Божиим. Тем дело пока и кончилось.

В январе 1598 г. умер царь Федор. После него не осталось никого из Калитиной династии, кто бы мог занять опустевший престол. Присягнули было вдове покойного, царице Ирине; но она постриглась. Итак, династия вымерла не чисто, не своею смертью. Земский собор под председательством того же патриарха Иова избрал на царство правителя Бориса Годунова.

На престоле. Борис и на престоле правил так же умно и осторожно, как прежде, стоя у престола при царе Федоре. По своему происхождению он принадлежал к большому, хотя и не первостепенному боярству. Годуновы – младшая ветвь старинного и важного московского боярского рода, шедшего от выехавшего из Орды в Москву при Калите мурзы Чета. Старшая ветвь того же рода, Сабуровы, занимала видное место в московском боярстве. Но Годуновы поднялись лишь недавно, в царствование Грозного, и опричнина, кажется, много помогла их возвышению.

Борис был посаженным отцом на одной из многочисленных свадеб царя Ивана во время опричнины, притом он стал зятем Малюты Скуратова-Бельского, шефа опричников. Женидьба царевича Федора на сестре Бориса еще более укрепила его положение при дворе. До учреждения опричнины в Боярской думе не встречаем Годуновых; они появляются в ней только с 1573 г.; зато со смерти Грозного они посыпа-

лись туда, и все в важных званиях бояр и окольничих. Но сам Борис не значился в списках опричников и тем не уронил себя в глазах общества, которое смотрело на них, как на отверженных людей, «кромешников», – так остряли над ними современники, играя синонимами «опричь» и «кроме».

В. Медведев. Патриарх Иов и московский народ просят Бориса Годунова на царство

Борис начал царствование с большим успехом, даже с блеском, и первыми действиями на престоле вызвал всеобщее одобрение. Современные витии кудреватого писателя о нем, что он своей политикой внутренней и внешней «зело прорассудительное к народам мудроправство показа». В нем находили «велемудрый и многорассудный разум», называли его мужем зело чудным и сладкоречивым и строительным вельми, о державе своей многозаботливым. С восторгом отзывались о наружности и личных качествах царя, писали, что «никто бе ему от царских синклит подобен в благолепии лица его и в рассуждении ума его». Хотя и замечали с удивлением, что это был первый в России «бескнижный государь», «грамотичного учения не сведый до мала от юности, яко ни простым буквам навычен бе». Но, признавая, что он наружностью и умом всех людей превосходил и много похвального учинил в государстве, был светлодушен, милостив и нищелюбив, хотя и неискусен в военном деле, находили в нем и некоторые недостатки: он цвел добродетелями и мог бы древним царям уподобиться, если бы зависть и злоба не омрачили этих добродетелей. Его упрекали в ненасытном властолюбии и в наклонности доверчиво слушать наущников и преследовать без разбора оболганных людей, за что и восприял он возмездие. Считая себя малоспособным к ратному делу и не доверяя своим воеводам, царь Борис вел нерешительную, двусмысленную внешнюю политику, не

воспользовался ожесточенной враждой Польши со Швецией, что давало ему возможность союзом с королем Шведским приобрести от Польши Ливонию.

Главное его внимание обращено было на устройство внутреннего порядка в государстве, «исправление всех нужных царству вещей», по выражению келаря А. Палицына, и в первые два года царствования, замечает келарь, «Россия цвела всеми благами». Царь крепко заботился о бедных и нищих, расточал им милости, но жестоко преследовал злых людей и такими мерами приобрел огромную популярность, «всем любезен бысть». В устройении внутреннего государственного порядка он даже обнаруживал необычную отвагу. Борис готов был на меру, имевшую упрочить свободу и благосостояние крестьян: он, по-видимому, готовил указ, который бы точно определил повинности и оброки крестьян в пользу землевладельцев. Это – закон, на который не решалось русское правительство до самого освобождения крепостных крестьян.

Толки и слухи про Бориса. Так начал царствовать Борис. Однако, несмотря на многолетнюю правительственную опытность, милости, какие он щедро расточал по воцарении всем классам, правительственные способности, которым в нем удивлялись, популярность его была непрочна. Борис принадлежал к числу тех злосчастных людей, которые и привлекали к себе, и отталкивали от себя, – привлекали видимыми качествами ума и таланта, отталкивали незримыми,

но чуемыми недостатками сердца и совести. Он умел вызывать удивление и признательность, но никому не внушал доверия; его всегда подозревали в двуличии и коварстве и считали на все способным. Несомненно, страшная школа Грозного, которую прошел Годунов, положила на него неизгладимый печальный отпечаток.

Еще при царе Федоре у многих составилась взгляд на Бориса, как на человека умного и деловитого, но на все способного, не останавливающегося ни перед каким нравственным затруднением. Внимательные и беспристрастные наблюдатели, как дьяк Иван Тимофеев, автор любопытных записок о Смутном времени, характеризуя Бориса, от суровых порицаний прямо переходит к восторженным хвалам. И только недоумевает, откуда бралось у него все, что он делал доброго, было ли это даром природы или делом сильной воли, умевшей до времени искусно носить любую личину. Этот «рабоцарь», царь из рабов, представлялся загадочною смесью добра и зла, игроком, у которого чашки на весах совести постоянно колебались. При таком взгляде не было подозрения и нарекания, которого народная молва не была бы готова повесить на его имя. Он и хана Крымского под Москву подводил, и доброго царя Федора с его дочерью, ребенком Федосьей, своей родной племянницей, уморил, и даже собственную сестру, царицу Александру, отравил; и бывший земский царь, полузабытый ставленник Грозного Семен Бекбулатович, ослепший под старость, ослеплен все тем же Б. Годуно-

вым. Он же, кстати, и Москву жег, тотчас по убиении царевича Димитрия, чтобы отвлечь внимание царя и столичного общества от углицкого злодеяния. Б. Годунов стал излюбленной жертвой всевозможной политической клеветы. Кому же, как не ему, убить и царевича Димитрия? Так решила молва, и на этот раз неспроста.

Незримые уста понесли по миру эту роковую для Бориса молву. Говорили, что он не без греха в этом темном деле, что это он подослал убийц к царевичу, чтобы проложить себе дорогу к престолу. Современные летописцы рассказывали об участии Бориса в деле, конечно, по слухам и догадкам. Прямых улик у них, понятно, не было и быть не могло: властные люди в подобных случаях могут и умеют прятать концы в воду. Но в летописных рассказах нет путаницы и противоречий, какими полно донесение углицкой следственной комиссии. Летописцы верно понимали затруднительное положение Бориса и его сторонников при царе Федоре: оно побуждало бить, чтобы не быть побитым. Ведь Нагие не пощадили бы Годуновых, если бы воцарился углицкий царевич. Борис отлично знал по самому себе, что люди, которые ползут к ступенькам престола, не любят и не умеют быть великодушными. Одним разве летописцы возбуждают некоторое сомнение: это – неосторожная откровенность, с какою ведет себя у них Борис. Они взваливают на правителя не только прямое и деятельное участие, но как будто даже почин в деле.

Неудачные попытки отравить царевича, совещания с родными и присными о других средствах извести Димитрия, неудачный первый выбор исполнителей, печаль Бориса о неудаче, утешение его Клешниным, обещающим исполнить его желание, – все эти подробности, без которых, казалось бы, могли обойтись люди, столь привычные к интриге. С таким мастером своего дела, как Клешнин, всем обязанный Борису и являющийся руководителем углицкого преступления, не было нужды быть столь откровенным: достаточно было прозрачного намека, молчаливого внушительного жеста, чтобы быть понятым. Во всяком случае, трудно предположить, чтобы это дело сделалось без ведома Бориса. Оно было подстроено какой-нибудь чересчур услужливой рукой, которая хотела сделать угодное Борису, угадывая его тайные помыслы, а еще более – обеспечить положение своей партии, державшейся Борисом.

Прошло семь лет – семь безмятежных лет правления Бориса. Время начинало стирать углицкое пятно с Борисова лица. Но со смертью царя Федора подозрительная народная молва оживилась. Пошли слухи, что и избрание Бориса на царство было нечисто, что, отравив царя Федора, Годунов достиг престола полицейскими уловками, которые молва возводила в целую организацию. По всем частям Москвы и по всем городам разосланы были агенты, даже монахи из разных монастырей, подбивавшие народ просить Бориса на царство «всем миром»; даже царица-вдова усердно

помогала брату, тайно деньгами и льстивыми обещаниями соблазняя стрельцких офицеров действовать в пользу Бориса. Под угрозой тяжелого штрафа за сопротивление полиция в Москве сгоняла народ к Новодевичьему монастырю челом бить и просить у постригшейся царицы ее брата на царство. Многочисленные пристава наблюдали, чтобы это народное челобитье приносилось с великим воплем и слезами, и многие, не имея слез наготове, мазали себе глаза слюнями, чтобы отклонить от себя палки приставов. Когда царица подходила к окну кельи, чтобы удостовериться во всенародном молении и плаче, по данному из кельи знаку весь народ должен был падать ниц на землю. Не успевших или не хотевших это сделать пристава пинками в шею сзади заставляли кланяться в землю, и все, поднимаясь, завывали, точно волки. От неистового вопля расседались утробы кричавших, лица багровели от натуги, приходилось затыкать уши от общего крика. Так повторялось много раз. Умиленная зрелищем такой преданности народа, царица, наконец, благословила брата на царство. Горечь этих рассказов, может быть преувеличенных, резко выражает степень ожесточения, какое Годунов и его сторонники постарались поселить к себе в обществе.

Царь Борис законным путем земского соборного избрания вступил на престол и мог стать основателем новой династии, как по своим личным качествам, так и по своим политическим заслугам. Но бояре, много натерпевшиеся при Грозном, теперь, при выборном царе из своей братии, не хо-

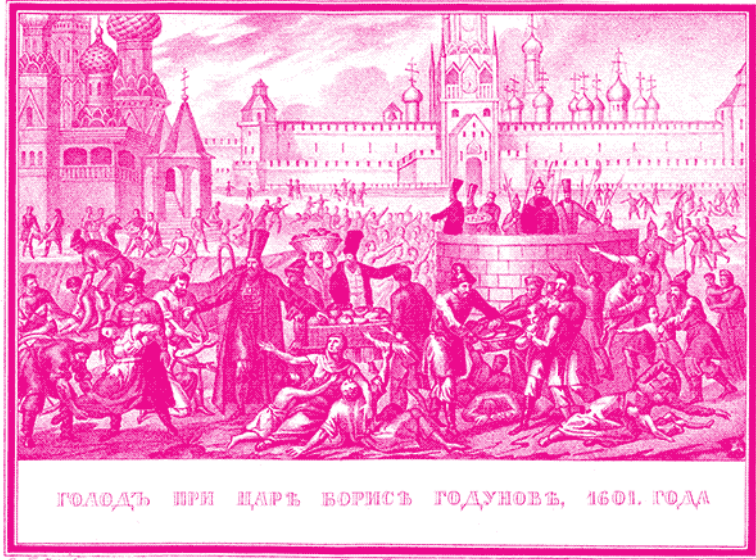
тели довольствоваться простым обычаем, на котором держалось их политическое значение при прежней династии. Они ждали от Бориса более прочного обеспечения этого значения, т. е. ограничения его власти формальным актом, «чтобы он государству по предписанной грамоте крест целовал», как говорит известие, дошедшее от того времени в бумагах историка XVIII в. Татищева. Борис поступил с обычным своим двоедушием: он хорошо понимал молчаливое ожидание бояр, но не хотел ни уступить, ни отказать прямо, и вся затеянная им комедия упрямого отказа от предлагаемой власти была только уловкой с целью уклониться от условий, на которых эта власть предлагалась. Бояре молчали, ожидая, что Годунов сам заговорит с ними об этих условиях, крестоцеловании, а Борис молчал и отказывался от власти, надеясь, что Земский собор выберет его без всяких условий. Борис перемолчал бояр и был выбран без всяких условий.

Н. Некрасов. **Борис Годунов рассматривает карту, по которой учится его сын**

Это была ошибка Годунова, за которую он со своей се-

мьей жестоко поплатился. Он сразу дал этим чрезвычайно фальшивую постановку своей власти. Ему следовало всего крепче держаться за свое значение земского избранника, а он старался приспособиться к старой династии по вымышленным завещательным распоряжениям. Соборное определение смело уверяет, будто Грозный, поручая Борису своего сына Федора, сказал: «По его преставлении тебе приказываю и царство сие». Как будто Грозный предвидел и гибель царевича Димитрия, и бездетную смерть Федора. И царь Федор, умирая, будто «вручил царство свое» тому же Борису. Все эти выдумки – плод приятельского усердия патриарха Иова, редактировавшего соборное определение. Борис был не наследственный вотчинник Московского государства, а народный избранник, начинал особый ряд царей с новым государственным значением. Чтобы не быть смешным или ненавистным, ему следовало и вести себя иначе, а не пародировать погибшую династию с ее удельными привычками и предрассудками.

ГОЛОДЪ ПРИ ЦАРЬ БОРИСЪ ГОДУНОВЪ, 1601. ГОДА

См. в. Кривков.

Вос. у Талки.

Вос. на холме ст. Москва.

Большие бояре с князьями Шуйскими во главе были против избрания Бориса, опасаясь, по выражению летописца, что «быти от него людям и себе гонению». Надобно было рассеять это опасение, и некоторое время большое боярство, кажется, ожидало этого. Один сторонник царя Василия Шуйского, писавший по его внушению, замечает, что большие бояре, князья Рюриковичи, сродники по родословцу прежних царей Московских и достойные их преемники, не хотели избирать царя из своей среды, а отдали это дело на волю народа, так как и без того они были при прежних царях велики и славны не только в России, но и в дальних странах.

Но это величие и славу надобно было обеспечить от произвола, не признающего ни великих, ни славных, а обеспечение могло состоять только в ограничении власти избранного царя, чего и ждали бояре. Борису следовало взять на себя почин в деле, превратив при этом Земский собор из случайного должностного собрания в постоянное народное представительство, идея которого уже бродила в московских умах при Грозном, и созыва которого требовал сам Борис, чтобы быть всенародно избранным. Это примирило бы с ним оппозиционное боярство и – кто знает? – отвратило бы беды, постигшие его с семьей и Россию, сделав его родоначальником новой династии. Но «проныр лукавый», при недостатке политического сознания, перехитрил самого себя.

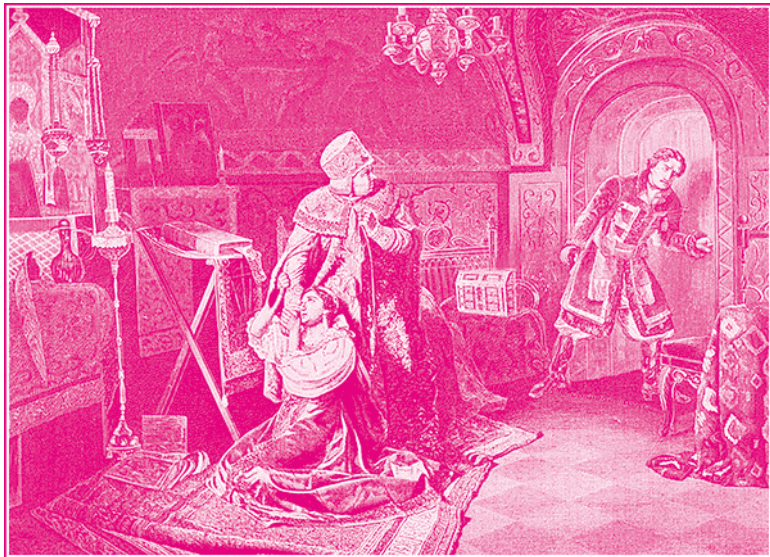
Когда бояре увидели, что их надежды обмануты, что новый царь расположен править так же самовластно, как правил Иван Грозный, они решили тайно действовать против него. Русские современники прямо объясняют несчастья Бориса негодованием чиновачальников всей Русской земли, от которых много напастных зол на него восстало. Чую глухой ропот бояр, Борис принял меры, чтобы оградить себя от их козней. Была сплетена сложная сеть тайного полицейского надзора, в котором главную роль играли боярские холопы, доносившие на своих господ, и выпущенные из тюрем воры, которые, шныряя по московским улицам, подслушивали, что говорили о царе, и хватали каждого, сказавшего неосторожное слово.

Донос и клевета быстро стали страшными общественными язвами: доносили друг на друга люди всех классов, даже духовные; члены семейств боялись говорить друг с другом; страшно было произнести имя царя – сыщик хватал и доставлял в застенки. Доносы сопровождались опалами, пытками, казнями и разорением домов. «Ни при одном государе таких бед не бывало», по замечанию современников. С особенным озлоблением накинута Борис на значительный боярский кружок с Романовыми во главе, в которых, как в двоюродных братьях царя Федора, видел своих недоброжелателей и соперников. Пятерых Никитичей, их родных и приятелей с женами, детьми, сестрами, племянниками разбросали по отдаленным углам государства, а старшего Никитича, будущего патриарха Филарета, при этом еще и постригли, как и жену его.

Наконец, Борис совсем обезумел, хотел знать домашние помыслы, читать в сердцах и хозяйничать в чужой совести. Он разослал всюду особую молитву, которую во всех домах за трапезой должны были произносить при заздравной чаше за царя и его семейство. Читая эту лицемерную и хвастливую молитву, проникаешься сожалением, до чего может потерять человек, хотя бы и царь. Всеми этими мерами Борис создал себе ненавистное положение. Боярская знать с вековыми преданиями скрылась по подворьям, усадьбам и дальним тюрьмам. На ее место повывлезли из щелей неведомые «Годуновы со товарищи» и завистливой шайкой окружили

престол, наполнили двор. На место династии стала родня, главой которой явился земский избранник, превратившийся в мелкодушного полицейского труса. Он спрятался во дворце, редко выходил к народу и не принимал сам челобитных, как это делали прежние цари. Всех подозревая, мучась воспоминаниями и страхами, он показал, что всех боится, как вор, ежеминутно опасющийся быть пойманным, по удачному выражению одного жившего тогда в Москве иностранца.

Наконец, в 1604 г. пошел самый страшный слух. Года три уже в Москве шептали про неведомого человека, называвшего себя царевичем Димитрием. Теперь разнеслась громкая весть, что агенты Годунова промахнулись в Угличе, зарезали подставного ребенка, а настоящий царевич жив и идет из Литвы добывать прародительский престол. Замутились при этих слухах умы у русских людей, и пошла Смута. Царь Борис умер весной 1605 г., потрясенный успехами Самозванца, который, воцарившись в Москве, вскоре был убит.

Н. Шаховский. Семейство Годуновых